

**Виктор Владимирович
Геращенко**

Когда все размеренно — неинтересно

*Постучали в дверь,
Открывать не стал,
Я с людьми не зверь,
Просто я устал.*

Николай Рубцов. «Зимняя ночь».

В пятницу вечером, 11 сентября, 315 депутатов проголосовали за моё избрание председателем Банка России, 63 были против и 15 воздержались.

В коридоре Думы меня встретил депутат Н. И. Рыжков и сказал: «Нечего тебе предлагать список членов совета директоров Банка в 16 человек. Давай вначале утвердим минимум, необходимый для принятия решений, в семь человек. А если не справитесь, мы вас всех через три месяца снимем».

Меня это устраивало. Предстояла сложная, но интересная работа, ведь когда всё размеренно — неинтересно.

Мораторий был чистой воды глупостью. Ситуацией можно было овладеть и без драконовских мер. Но сейчас уже, как говорится, ребенок упал в колодец, — я не вижу пока выхода из создавшегося положения. Я в конце концов не фокусник, который достает кролика из рукава.

Владимир Лапский.

Виктор Геращенко: О банках, фокуснике и христианстве // Российская газета. 15.09.1998.

Моим условием был уход в отставку всего состава совета директоров Центрального банка. Из старого совета я оставил пятерых: главного бухгалтера Л. И. Гуденко, начальника сводно-экономического департамента Н. Ю. Иванову, руководителя ГУ ЦБ по Москве К. Б. Шора, первых зампредов ЦБ А. А. Козлова и А. В. Войлукова. Среди новых лиц, которых мне хотелось видеть в совете, были: В. Н. Мельников, в разное время занимавший посты начальника управления валютного регулирования Центробанка, первого

**Виктор Владимирович
Герашенко**

вице-президента «ТОКО-банка», а тогда — за-мсекретаря Совета безопасности РФ; глава ГУ ЦБ по Санкт-Петербургу Н. А. Савинская и ра-ботавший со мной во Внешторгбанке и дочернем ему Донау-банке (Вена, Австрия) А. Е. Четыркин. В результате не прошёл только последний. Также не была утверждена кандидатура, предложенная Администрацией президента, некоего советни-ка Государственно-правового управления (ГПУ) В. Ф. Прозорова. Он как для меня, так и для боль-шинства депутатов оказался тёмной лошадкой. Его рекомендовал руководитель Администрации В. Б. Юмашев, в то время не очень популярная фи-гура. Тем не менее на меня почему-то долго был обижен начальник ГПУ Р. Г. Орехов.

Однако следовало оперативно приниматься за работу. Уже 15–18 сентя-бря подходил срок возврата коммерческими банками России кредитов поч-ти на 20 млрд долларов, которые они взяли в сотне банков 15 стран мира. Особенно много в Германии. Наши банкиры рассчитывали на то, что к кон-цу 1998 года доллар будет стоить не более 7,5 рубля. Но грянул кризис, и он стоил почти в три раза дороже¹. Ещё столько же мы должны были вы-платить в сентябре западным банкам, вложившим средства в наши ГКО. Надо сказать, что разрешение иностранцам покупать ГКО было порождено вопиющей некомпетентностью прежнего состава совета директоров Банка, которым в последнее время заправлял не Дубинин, а некое отнюдь не «свя-тое семейство» — первый зампред Д. Г. Киселёв со своей женой И. Е. Ясиной.

При этом следует отметить, что к августу 1998 года цена на нефть снизилась до 10 долларов за баррель. В начале 1999 года она упала до 7,5–8 долларов. И лишь весной 1999 года пошла вверх, преодолев в апреле 11-долларовый рубеж. Так что атмосфера, в которой я приступил к работе, была, мягко говоря, непростой.

Уже 15 сентября я восстановил справедливость и подписал приказ о передаче ОПЕРУ-2, занимавшегося надзором за деятельностью крупней-ших (системообразующих) банков страны, в подчинение ГУ ЦБ по Москве.

В тот же день я сподобился в Кремле личной встречи с президентом Ельциным. Мы обсуждали стратегические и тактические направления ра-боты Банка России. Борис Николаевич поддержал моё предложение о не-обходимости возврата к контролируемому эмиссионному кредитованию бюджета взамен выпуска госбумаг.

¹ 29 августа доллар стоил 7 рублей 86 копеек. С 31 августа начался бурный рост курса американской валюты. 1 сентября он вырос до 9,33 рубля, а 9 сентября достиг отметки 20,82 рубля. — *Прим. авт.-сост.*

Виктор Владимирович Геращенко

Я тогда спросил у него: «Борис Николаевич, нельзя ли издать указ, чтобы в сутках было 25 часов, потому что не хватает времени справиться со всеми проблемами?» Очень быстро он ответил: «Эту проблему вы сами сможете в Центральном банке решить без моего указа». Я обрадовался, что у человека быстрая реакция и чувство юмора.

Первые назначения в правительстве России повергли американских политиков в откровенное уныние. «Тройка Примакова» (как окрестили в спортивном духе местные комментаторы команду нового премьера России с участием Ю. Маслюкова и В. Геращенко) в американских СМ И персонифицируется чуть ли не с «секретным оружием Кремля в борьбе с реформами».

Подливают масла в огонь и наши «вчерашние реформаторы». Газеты в США ссылаются на слова Е.Гайдара об «угрозе красного реванша», а «самый прогрессивный реформатор» по американской градации Б. Немцов обильно цитируется в новостях каналов телевидения с характеристиками В. Геращенко как «могильщика реформ» и чуть ли не «красного палача»...

О каких реформах и «стабилизации экономики» с ними можно говорить, сказал мне один из представителей МВФ, работавший «на Россию» и регулярно высказывавший восторженные отзывы о Чубайсе и Дубинине. Ведь они же «коммунисты».

Сигов Юрий.

В Америке в эти дни вспомнили о Горбачёве // Новые известия. 17.09.1998.

Борис Березовский: «Я не хочу вдаваться в детали экономической программы Примакова, тем более что он пока её и не провозгласил, но назначения, которые уже сделаны — Маслюков, Геращенко, — свидетельствуют, что он не чувствует, в каком направлении надо двигаться вперед».

Татьяна Дьяченко всё понимает. Но она дочь... // Вечерняя Казань. 18.09.1998.

Итак, потери капитала в банковской системе России в период кризиса превысили 100 млрд рублей, курс рубля плавающий, резервов никаких, долгов до чёрта, хотя это была и не моя забота. Такова картина начала сентября, когда я вернулся в Центральный банк.

Мы оперативно (ещё в сентябре) подготовили отчёт-программу «О состоянии денежного обращения, системы расчётов и преодолении кризиса в финансово-банковской системе» — жёсткий, небольшой по объёму и детально проработанный документ. В первую очередь следовало вывести из комы рынок ценных бумаг, для этого мы уже в сентябре запустили в оборот облигации ЦБ, названные в народе «бобры» (прежние облигации всегда вы-

Центральный аппарат

Без комментариев. Август 1998 г.

пуская Минфин). Банкам, взамен ГКО, был предложен достаточно надёжный инструмент для работы. Тогда же провели взаимозачёт банковских долгов, пробив тем самым тромбы неплатежей. Нажимал на эмиссионную педаль я осторожно, мне не хотелось выпускать из бутылки джинна инфляции. Тем более что в своё время Государственная дума приняла закон, запрещающий Центральному банку кредитовать бюджет. И я не настолько сумасшедший, чтобы пойти на прямое нарушение закона, в то время как

Виктор Владимирович Геращенко

Новое назначение. Сентябрь 1998 г.

Заседание правительства. С премьер-министром Е. М. Примаковым. 1998 г.

Генеральная прокуратура только и искала повод, чтобы обнаружить нарушения закона в ЦБ. Я заявил, что решение о возможной эмиссии должна принимать Дума, которой в этом случае придётся нести всю политическую ответственность за последствия.

Операцию зачёта ограничили для начала пятью регионами (Москвой, Санкт-Петербургом, Московской, Самарской и Свердловской областями). В акции 18 сентября приняли участие все желающие банки, испытывающие трудности с проведением расчётов. Через неделю мы эту операцию сделали обязательной. Деньги, переданные банкам, были частично изъяты из фонда обязательного резервирования «экстремальных» запасов Банка России, частично даны в долг (невозвратный) под залог ГКО. Через некоторое время прошёл третий этап зачёта. В результате из общего объёма застрявших в комбанках 40 млрд рублей было проведено 30,3 миллиарда. В бюджеты всех уровней и во внебюджетные фонды по другим обязательствам перечислено 20,6 млрд рублей, в том числе в федеральную казну — 3 млрд рублей. При этом мы контролировали, чтобы освободившиеся деньги не попали напрямую через банки на валютный рынок, а шли в промышленность и сельское хозяйство. Никакого обвала рубля не случилось.

Было принято решение об ужесточении валютного регулирования, в частности, об обязательной продаже экспортёрами 75% полученной выручки.

Первым успехом стало одобрение наших шагов президентом Европейского банка реконструкции и развития Хорстом Кёлером. Проведя переговоры с российским правительством, в которых я тоже участвовал, Кёлер заявил, что банк продолжит инвестиции в Россию. Одновременно Парижский клуб кредиторов согласился подождать с получением выплат по текущим обязательствам РФ по погашению задолженности странам — участникам клуба. Россия должна была выплатить 600 млн долларов процентов

Центральный аппарат

по 40-миллиардному госдолгу, реструктуризированному в 1996 году на 25 лет.

Однако вопросы с выплатами по ГКО по-прежнему решались. В процессе переговоров по ним каждый иностранный партнёр старался выцарапать себе больше, чем он хотел или рассчитывал, когда приходил на наш рынок. Мне даже пришлось обратиться к зарубежным коллегам, посоветовать им не быть жлобами, заявив, что жадные и несговорчивые иностранные банки рискуют не получить за ГКО вообще ничего. И, учитывая их предыдущие доходы по ним, это не было бы слишком несправедливо! Следовало искать компромисс, который, в конце концов, был найден.

В начале октября мы с министром финансов М. М. Задорновым прибыли в Вашингтон и представили проект чрезвычайного бюджета на четвёртый квартал 1998 года. Проект предусматривал покрытие бюджетного дефицита за счёт кредита МВФ в размере 2,5 млрд долларов. Именно такую сумму российская делегация стремилась выбить у Фонда.

Прогнозы Немцова на будущее, при оговорке, что правительство Примакова пойдёт по курсу, обозначенному Геращенко, откровенно озадачили американцев: для них инфляция в 800%, которая наступит в России по предсказаниям Немцова к середине следующего года, настолько же нереальна для осознания, насколько и чудовищна. «При этом, — сказал уже и так напуганным американцам Немцов, — после того как будут отпечатаны тонны новых денег, в стране усилится социальное напряжение, особенно в больших городах. В знак протеста против пагубной экономической политики правительства, — продолжал стращать бывший вице-премьер, — русский люд выйдет на улицы и возьмётся за вилы».

«Примаков ведёт себя как вице-президент», заявил в Нью-Йорке Борис Немцов // Московские новости. 04.10.1998.

Там и произошёл веселый случай, который мне припоминают до сих пор. В аэропорту нас атаковали журналисты. Российские были наиболее настырными. Корреспондент, кажется, НТВ стремился узнать, с кем в первую очередь я хочу встретиться. Я и ляпнул, чтобы он отвязался: «С мадам Левински». В Москве меня спросил маленький внук: «Деда, а кто такая Левински?» Пришлось выкручиваться. Кредита тогда, кстати, добиться не удалось. Выход искали самостоятельно.

На недавней встрече боссов думских фракций с Примаковым левые лидеры задали «империалистам из МВФ» настоящую бучу. Зюганов, Харитонов, Николай Рыжков просто изводили нынешних хозяев Белого дома требования-

Виктор Владимирович Геращенко

ми радикально изменить политику и закончить цацкаться с МВФ. Но тут с места поднялся Виктор Геращенко. Речь верховного банкира была краткой, зато весомой. Суть её такова. Пока нам не удалось договориться ни с внешними, ни с внутренними кредиторами. Над страной вновь нависла угроза дефолта — неплатежей по займам. В общем, дела и так достаточно плохи. Но если вы, коммунисты, будете и дальше продолжать раскачивать лодку и наезжать на МВФ, то катастрофа и вовсе станет неминуемой...

Борисов Алексей, Ростовский Михаил // Московский комсомолец. 4.11.1998.

Распоряжением Правительства РФ от 20 ноября 1998 года. №1642 было создано Агентство по реструктуризации банковской системы (АРКО). Оно занялось санитарной очисткой банковского сообщества от безнадежно больных собратьев. Главным разработчиком плана спасения российской банковской системы стал в ЦБ Андрей Андреевич Козлов. Его поддержал другой зампред — Александр Владимирович Турбанов, ставший генеральным директором АРКО. Я идею одобрил. Чтобы не подвергать опасности провалить проект в Госдуме, мы не стали вносить туда специальный закон об АРКО, а предложили стать соучредителем АРКО правительству.

Денег на реструктуризацию в стране не было, и речь могла идти лишь о поддержке здорового ядра банковской системы. Мы не Верховный суд и не гестапо, чтобы готовить список смертников, нам следовало с каждым банком работать индивидуально. И коллеги по несчастью не могли рассчитывать, что все они будут вечно живыми.

Все коммерческие банки были разделены на четыре группы: не имеющие проблем; региональные стабильные банки, которые стали опорными в восстанавливаемой банковской системе России; крупные кредитные организации, ставшие банкротами, но которые получили господомощь ввиду своей социальной и экономической значимости и, наконец, не имеющие перспектив, а потому подлежащие немедленному закрытию.

Особенно сложной была ситуация с банком «СБС-Агро», имеющим более 1 млрд долларов долгов и массу плохих кредитов. По всем правилам его следовало банкротить в первую очередь, но у банка было полторы тысячи филиалов на селе, к тому же он финансировал через фонд льготного кредитования 70% регионов страны.

Кредиты банкам выдавали под залог 75% и одной акции. Кроме того, Центробанк брал в залог недвижимость и вводил своего представителя в руководство банка.

Особенно нам досталось за поддержку «СБС-Агро» господина Смоленского, который, по существу, кредитовал в то время почти все сельское хозяйство. Мы выдали банку осенью 1998 года и весной 1999 года по просьбе

Центральный аппарат

Глава Международного валютного фонда (МВФ) М. Камdessus

правительства и местных властей кредит около 5 млрд рублей. Однако выдвинули условие, что в банке будет изменён менеджмент и введены независимые люди, а акции предложены для продажи. Правда, не всё получилось, как задумывали, и в конце концов банк пришлось ликвидировать.

Но главный результат того периода: нам удалось сохранить, протащить на пузе, по грязи, как угодно, банковскую систему. Она жива и

ни разу не тормозила свою работу, как бы прокуратура ни пыжилась нас обвинить. Я говорил тогда Генеральному прокурору РФ В.В. Устинову: «Чего вы по мелочи к нам придираетесь, подайте в суд на правление. Всё правление — преступники, раз выдали деньги Александру Смоленскому. Только посмотрите, на что деньги пошли». А кредит был потрачен на расшивку неплатежей одного из самых могучих и крупных банков, на погашение задолженности федерального и местных бюджетов перед поставщиками, которые могли прекратить поставки горючих и смазочных материалов селу и окончательно покончить с нашим сельским хозяйством, сорвав сев.

Нам было известно, что многие коммерческие банки активно участвовали в обналичивании и отмывании денег, нелегальном экспорте капитала за границу. Говорят, в октябре 1998 года на переговорах в Лондоне крупнейшие иностранные банки-кредиторы предложили М. М. Касьянову назвать все счета и суммы, которые наши коммерческие банки, сырьевые и прочие компании увели на Запад. По их оценкам, сумма составила от 700 млрд до 1 трлн долларов. На счетах же российских банков находилось от 25 до 30 млрд долларов

Евгений Примаков не удержался, чтобы перед журналистами не процитировать высказывание директора-распорядителя МВФ Мишеля Камdessus французской газете «Монд», попросив при этом представителей СМИ в обязательном порядке озвучить сказанное. По словам Камdessus, «в ряде стран Юго-Восточной Азии и Южной Европы, а также в России мы столкнулись с явлениями, которые сильно отличаются от тех, с которыми МВФ имел дело ранее. Та модель, которая работала раньше, ныне превращается в препятствие. Поэтому при управлении кризисом не следует ограничиваться лишь макроэкономическим подходом. Либерализацию капиталов, которая проводится дезорганизованно, вопреки здравому смыслу, МВФ никогда не

Виктор Владимирович Геращенко

поддерживал. И никогда не приветствовал чрезмерную либерализацию спекулятивного капитала, в то время как сохраняются административные препятствия для прямых инвестиций». Зачитав цитату, Примаков оживленно комментировал: «...и это говорит Камdessus!»

Чудеса в решетке // Коммерсантъ-Молдова. 06.11.1998.

В декабре произошло ещё одно занимательное событие. Б. Н. Ельцин, под нажимом лоббистов требовавший передачи функций по надзору за банками от Банка России к некоему новому федеральному органу — комитету банковского контроля, подчинённого непосредственно правительству, вдруг изменил своё решение. Он отозвал поправки к Закону «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», назвав их «недоработанными». Переворот не состоялся, угроза лишения независимости ЦБ миновала. На этой поправке особенно настаивал «осколок Чубайса», председатель ФКЦБ Д. В. Васильев. Он предлагал лишить Банк России права регулировать рынок ценных бумаг и, самое главное, исключительного права выдавать и отзывать лицензии кредитных организаций. Я тогда имел серьёзную беседу с председателем Совета Федерации Е. С. Строевым и убедил его в том, что если ЦБ потеряет независимость, то это лишь усугубит кризисную ситуацию.

Наилучшие показатели экономического роста в России отмечались в течение года — с ноября 1998 года по август 1999 года. Тогда темпы роста ВВП оказались самыми высокими как минимум за последнюю треть века. Темпы прироста промышленного производства в среднегодовом исчислении тогда устойчиво держались выше 12%, в течение одного зимнего квартала — с декабря 1998 года по февраль 1999 года — они превысили даже 20%. Темпы прироста продукции обрабатывающих отраслей в течение полугода составляли 25%, машиностроения — 30–40%, лёгкой промышленности в течение года — 40–50%, производства электрооборудования — 50–60%. Это был настоящему экономический бум. Реальный бум. Бум на уровне азиатских «тигров» (Гонконга, Сингапура, Кореи, Тайваня). Бум, происходивший в условиях отчасти сходной с проводившейся в них экономической политики — бюджетной, денежной, валютной.

Андрей Илларионов
Слово и дело // Континент. №134. 2007.

Тогда же Совет Федерации выступил инициатором идеи изменения нынешнего положения ЦБ, планируя внести пакет поправок к Закону о Центральном банке. Статус банка они предлагали снизить до статуса государ-

Центральный аппарат

Президент Альфа-банка О. П. Авен. 1999 г.

Председатель совета директоров Альфа-банка М. М. Фридман и председатель совета директоров АКБ «Московский деловой мир» (МДМ-Банк) А. Л. Мамут. 1999 г.

ственного учреждения и усилить парламентский контроль над ним. Кроме того, предлагалось запретить Банку России иметь свой пенсионный фонд и прочие фонды для оказания материальной помощи своим сотрудникам, отдать ряд полномочий совета директоров ЦБ Национальному банковскому совету. Эпопея с его созданием была особенно драматичной.

Мой коллега, зампред ЦБ Александр Владимирович Турбанов, курировавший тогда все юридические вопросы, совершенно справедливо сказал, что присвоения ЦБ статуса госучреждения низводит Банк России до «положения какого-то заурядного НИИ или госконторы». Это было бы явной ошибкой. Если мы серьёзно рассчитывали продолжить рыночные реформы, то зачем было возвращаться назад в смысле развития банковского дела? ЦБ должен оставаться независимым в принятии концептуальных решений, принимаемых, естественно, в соответствии с социально-экономической ситуацией в стране.

В апреле 2000 года Комитет по бюджету и налогам рекомендовал Думе принять изменения и дополнения в Закон о Банке России. В предложенном проекте уставной капитал и иное имущество ЦБ провозглашались «федеральной собственностью», а владение, использование и распоряжение ими Центробанк должен был осуществлять от имени РФ. Указывалось также Банку России продать свои доли в акционерных капиталах других банков — в первую очередь Сбербанка, Внешторгбанка и росзагранбанков. В начале июля проект был принят Думой в первом чтении.

Попытки ограничить полномочия Центробанка тем временем продолжались. В сентябре 2000 года у депутатов Государственной думы и аудиторов Счётной палаты возникли подозрения по поводу неадекватных расходов департамента эмиссионно-кассовых операций Банка России. Палата направила мне письмо с просьбой дать распоряжение о допуске её сотруд-

Виктор Владимирович Геращенко

ников в центральное и региональные хранилища ЦБ. Пришлось объяснять Сергею Вадимовичу Степашину, что предусмотренных законодательством оснований для проведения ревизии финансово-хозяйственной деятельности хранилищ ЦБ у Счётной палаты нет.

Этот вопрос имеет предысторию. На выходе Банка России из акционерных капиталов банков особенно настаивал после кризиса 1998 года Международный валютный фонд. Мы упирались до 1999 года. Я написал письмо первому заместителю главы МВФ Стэнли Фишеру, объяснил, что мы понимаем озабоченность коллег, что не должны быть там, но в сложившейся ситуации просто некому продать эти банки. Тем более что после кризиса население напугано, поэтому акционирование Сбербанка создаст ненужную панику. С загранбанками же вообще особая ситуация: в некоторых странах центральные банки владеют коммерческими банками в Европе, так что мы не уникальны!

Однако давление продолжалось. Проведение некоей банковской реформы инициировали олигархи, которых представляли председатель совета директоров АКБ «Московский деловой мир» А. Л. Мамут и президент «Альфа-банка» П. О. Авен. Не могли они спокойно смотреть на то, что главный регулятор банковского сообщества владеет контрольными пакетами крупнейших банков. Они призывали правительство поторопить ЦБ выйти из капиталов этих банков. То ли они сами хотели их приобрести, то ли ликвидировать конкурентов, превратив бывшие госбанки в специализированные агентства доставки бюджетных денег до реального сектора.

Виктор Геращенко банковских реформаторов невзлюбил. Настолько, что, как рассказывают, перед заседанием правительства, рассматривавшего будущее банковской реформы, на вопрос одного из руководителей госбанков, скромно ожидавшего вынесения решения: «Ну как вам реформа?», сверкнув глазами, ответил: «Какая там в жопу реформа!»

Николай Вардоль.

Конец викторианской эпохи // Власть. 26.03.2002.

Тогдашний премьер-министр М. М. Касьянов меня уговаривал: «Давай формально подпишем обязательство, отвяжемся от МВФ, а потом посмотрим, как дела пойдут...» Однако я предлагал все вопросы о передаче росзагранбанков решать только в рамках законодательства. Скажите, что незаконного в нашем участии в них, я готов выслушать и исправить.

Наконец в 2000 году я согласился поместить приватизацию загранбанков в перспективный план, и мы с Михаилом Михайловичем подписали соответствующую бумагу в расчёте, что никуда не будем спешить. Всё было сделано, когда я уже работал в Госдуме.

Центральный аппарат

С самым богатым человеком России
М. Д. Прохоровым. 2001 г.

Президент РФ В. В. Путин вручил
В. В. Геращенко орден «За заслуги перед
Отечеством» III степени. 20 сентября 2000 г.

Ещё Счётную палату беспокоило, что доходы сотрудников ЦБ, на её взгляд, чрезвычайно высоки. Действительно, работники Центробанка обеспечены лучше, чем госслужащие, но это общепринятая практика. Во всём мире служащие центральных банков «болтаются» в своей зарплате между госслужащими и теми, кто работает в коммерческих банках. Но доходы в коммерческих банках при этом существенно выше. В Центральном банке, кстати, зарплату не повышали с 1996 года и до конца 2000 года, когда произошло общее повышение зарплаты госслужащих. Мы также повысили её с коэффициентом 1,2. Мой официальный оклад составлял 21 тысячу рублей в месяц. К нему имел доплаты за стаж и премии. Так что набегало тысяч пять долларов в месяц.

С В. В. Путиным мы по поводу статуса Центрального банка встречались дважды. Первый раз в октябре 2000 года. Аргументы мои он принимал, так как понимал, что у него и без этих изменений достаточно способов влиять на работу Центрального банка. Правительство одобряет кандидатуры всех членов совета директоров ЦБ, хочет своих людей поставить, может это сделать без проблем, если там думают, что у нас работают непрофессионалы. Оба раза Владимир Владимирович отсылал меня для проработки вопросов к начальнику Государственно-правового управления президента Ларисе Игоревне Брычевой.

В августе 2000 года президент наградил меня орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени и освободил от обязанностей управляющего МВФ от Российской Федерации. Я не был против этого решения, в Международном валютном фонде всегда заседают министры финансов. Я в своё время туда и не просился. В. С. Черномырдин предложил после ухода с поста министра В. В. Барчука, больного и не знающего английского языка, временно поехать на заседания МВФ. Я не возражал. Даже когда А. Л. Кудрин попросил меня освободить для него место, я не возражал. На предложение остаться

там замом я ответил, что представитель от ЦБ в МВФ уже есть — Т. В. Парамонова. Так что требовалось лишь оформить изменение указом президента, а СМИ заговорили о моей скорой отставке. Не дождались!

И более подробно о перипетиях с Национальным банковским советом. Идея с созданием Совета появилась из телеграммы А. Н. Шохина. Он, используя свои дружеские связи с мидовцами (в годы перестройки Александр Николаевич был советником министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе), побывав во Франции, написал, что там существует некий Высший банковский совет. В него входят три члена, назначенные президентом, три человека от двух палат парламента, наконец, три — от правительства. Якобы решают все важнейшие дела банковской системы. Действительно Совет такой во Франции есть, однако выдвигаются в него не депутаты и чиновники, а видные учёные-экономисты, специалисты по денежному обращению. При этом они являются независимыми (nonexecutive) директорами, не имеющими, кроме кабинета и секретарши, ничего. Такие же у них права и обязанности. Никаких решений в day-to-day-бизнесе Совет не принимает! Да, обсуждает глобальные вопросы: изменения ставки рефинансирования, увеличения кредитных окон и т. д. Президента же банка и двух его главных заместителей назначает президент же республики. Вот они и отвечают за работу Центрального банка.

Александр Николаевич элементарно напутал и внёс сумятицу в мозги наших руководителей. Мне долго портили нервы этими проектами, потом это наследство досталось С. М. Игнатьеву, он спустил этот вопрос на тормозах. В результате у нашего Национального совета сейчас не больше полномочий, чем у французского. Что и требовалось доказать!

В конце концов, надоело работать, пробивать головой стенки. Срок моих полномочий заканчивался в сентябре 2002 года.

В январе в разговоре с заместителем руководителя Администрации президента И. И. Сечиным я попросил отпустить меня в отставку. Ответ был прямой: «Ты что, одурел?!» (Или примерно такой). Я настаивал: «Да у меня диабет, устал, не хочу умереть за рабочим столом».

В феврале примерно такой же вопрос мне задал В. В. Путин. Я опять стал объяснять желание уйти состоянием здоровья. Но Владимир Владимирович жёстко спросил: «Небось, к олигархам собрался перейти?!» «Да нет, — ответил я, — все домашние финансовые проблемы я решил, ещё работая в Международном Московском банке. — И добавил: — Хорошо бы определиться с моей судьбой до начала депутатских каникул, в мае. Неизвестно, насколько лёгким будет прохождение нового кандидата через Думу».

Через некоторое время Владимир Владимирович вновь меня приглашает и предлагает: «А что если решить вопрос с вашей отставкой прямо сейчас?» Я возражать, естественно, не стал и сказал, что сделать это лучше

Центральный аппарат

Два председателя ЦБ
РФ: С.М. Игнатъев
и В.В. Геращенко. 2002 г.

всего после моей поездки в Базель, где раз в два месяца мы отчитывались перед главами центральных банков крупнейших стран мира. Возвращался я во вторник, 12 марта.

В тот знаменательный день, 15 марта, я выступал в Думе по поводу создания Наблюдательного совета. По просьбе А. Л. Кудрина, доклад которого был запланирован. Возвращаюсь, в машине раздаётся звонок Дмитрия Орлова (банк «Возрождение»): «Не слышал сообщения?» Ответил, что нет. Вернулся в Центральный банк, и мои заместители, Е. В. Коляскин и Т. В. Парамонова, сообщают мне, что в банк звонил президент. Вот тогда я и узнал, что подал в отставку. Для приличия попенял Владимиру Владимировичу: «Владимир Владимирович, вы, что, за два дня не могли мне сообщить о моём решении? О нашей договорённости знали только я да моя жена. А сейчас меня разорвут!» Кстати, и Алексей Леонидович Кудрин об указе знал, но молчал, как партизан.

В заключение хотелось привести слова Андрея Илларионова, многолетнего идеологического противника В. В. Геращенко. — *Прим. авт.-сост.*

Настоящий, реальный, устойчивый, или, как говорят на экономическом жаргоне, genuine, экономический рост в России начался в октябре 1998 года. <... > За это надо отдать должное правительству Евгения Примакова и новому (старому) председателю Центрального банка Виктору Геращенко. <... > С ним произошло удивительное превращение. Из активного сторонника и организатора денежной эмиссии и инфляции образца 1992–1994 годов в 1998–1999 годах он превратился в некое подобие монетаристского ястреба. Никакой излишней денежной эмиссии, умерен-

Виктор Владимирович Геращенко

ность, аккуратность, сдержанность — вот ведущие принципы политики, проводившейся им теперь.

Причину невероятной метаморфозы, случившейся с Геращенко, следует, видимо, искать в изменении политической обстановки в стране. Одно дело — работать председателем ЦБ при враждебном для него правительстве Гайдара, при президенте Ельцине, бывшем для него воплощением абсолютного зла. И совсем другое дело — работать председателем ЦБ бок о бок с Примаковым, своим многолетним коллегой по спецслужбам. <... >

Конечно, можно сказать, что они оказались счастливыми баловнями судьбы, не вполне понимавшими ни того, что происходит в экономике, ни того, что надо делать. Но, мне кажется, это не вполне справедливо. По крайней мере испортить, остановить, прекратить можно было какой угодно экономический бум. И советчиков, как это сделать, было немало. Да, в общем, и взгляды самих руководителей больших надежд не оставляли. Но — не остановили, не прекратили и не испортили! <... >

Удивительно, каких результатов удается добиваться, если граждане, в том числе и во власти, работают на себя, на свою политическую силу, на свою организацию, на свою власть. <... > Одним из наиболее важных наблюдений для меня тогда стало осознание того, что грамотная экономическая политика в принципе может проводиться и в нашей стране.

Андрей Илларионов
Слово и дело // *Континент*. №134. 2007.

Жизнь продолжалась. Когда предложили выбираться в Думу, пошёл с интересом: сиди, ничего не делай и повышай свой кругозор. К тому же я понимал, что в законах много дырок и мой опыт может пригодиться при их доработках. На предложение ещё и помогать фракции «Родина» я тоже охотно согласился, готов был делать всё, что потребуется. Если, конечно, будут спрашивать. Однако никто за помощью ко мне так и не обратился.

Вскоре я понял, что никому в Думе не нужен, тем более что запихнули меня в Комитет по собственности, в которой я мало понимаю. Поэтому когда появилось предложение возглавить наблюдательный совет «Юкоса», я согласился.